

аналог, ни опущение реалии в данном фрагменте не способствуют адекватному восприятию авторской интенции.

Опрос респондентов показал, что в том случае, если при передаче реалии лингвокультурные понятия не были полностью соотнесены, ассоциации респондентов основаны на элементах собственной культуры, как, например, при соотнесении реалии *чиррики* итальянскими респондентами с сабо, драки во время Масленицы с шутивными потасовками со время карнавала.

В том случае, если переводчик неверно передает реалии на протяжении текста перевода, это формирует искаженный исторический и культурный фон описываемых в романе событий. Ответы респондентов показывают, что чем более удалены друг от друга соотносимые лингвокультуры, тем чаще переводчику следует прибегать к прагматической адаптации текста, и пренебрежение этим приводит к переводческим неудачам.

Библиографические ссылки

1. *Sciolochov M.* Il placido Don. Milano: Garzanti, 1966. 818p.
2. *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара : Рус. лицей, 1994. 94 с.
3. *Астапенко Г.Д.* Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков. XVII–XX вв. Ростов н/Д. : НПК «Гевест», 2010. 256 с.
4. *Vocabolario della lingua italiana di N.Zingarelli.* Bologna : Zarochehlli editore, 2008.

Е.В. Флянтикова (Гродно, Беларусь)

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРНЫХ НОМИНАЦИЙ С КОМПОНЕНТОМ ХЛЕБ (НА МАТЕРИАЛЕ ДАННЫХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье предпринята попытка выявить символический потенциал парных номинаций с компонентом *хлеб* в художественных прозаических текстах, выборка которых осуществлялась с использованием возможностей метаразметки и системы поиска основного модуля Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: *хлеб, парные номинации, символ, Национальный корпус русского языка.*

Номинации еды и напитков представляют собой культуросообразные явления. Существование, развитие и становление каждого этноса сопровождается культурой питания. Это приводит к тому, что ряд такого рода номинаций приобретает символическое значение, закрепляется в паремиологическом материале каждого этноса, его обрядовой культуре и фольклорном наследии.

Хлеб является объектом изучения различных наук. Культура потребления и приготовления хлеба, пронизывающая повседневную жизнь народа, обладает скрытой аксиологической составляющей, несет в себе эксплицитные ценностные этнические установки. Существовая в тесном единстве с культурой, являясь ее отражением, язык транслирует ценностные ориентации народа из поколения в поколение. Поэтому анализ языкового материала (в том числе, номинаций еды и напитков) позволяет говорить о вложенных в него народом смыслах – культурных, мифологических, религиозных, духовно-нравственных.

Многочисленные лингвистические исследования направлены на рассмотрение данной номинации с точки зрения ее архетипических и символических представлений в разных культурах (см. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10] и др.). В качестве материала исследования выступают паремии, фразеологизмы, данные ассоциативных экспериментов, литературные произведения, обрядовая культура. Однако данный материал был сформирован в прошлом. Изменение и развитие культуры ведет к переосмыслению ассоциативного диапазона, приобретению номинациями дополнительных смыслов.

Национальный корпус русского языка [11] (далее – *НКРЯ*) представляет собой мощный электронный репрезентативный языковой ресурс. Благодаря грамматической и семантической разметке можно выделить контексты, содержащие необходимые лексические единицы. Нами были использованы возможности основного модуля НКРЯ, в котором был создан подкорпус художественных текстов. Данный подкорпус позволяет оценить частотность и вариативность использования лексемы *хлеб* не в одном избранном тексте, а во всем массиве художественных текстов, представленных в НКРЯ. Обращение к художественным текстам обусловлено тем, что в них автор воспроизводит актуальную модель мира. Он выступает как лицо, познающее мир и воплощающее представление о мире через язык. Последний выступает как признак актуального состояния мира и осмысления мира человеком.

Нас интересовало использование лексемы *хлеб* в составе парных номинаций, соединенных посредством союза *и*, так как в результате такого соединения возникает «концептуальное значение “два в одном” ...», которое обусловлено познавательной деятельностью человека, его восприятием и оценкой мира» [12, с. 70]. Исследование данных бинарных сочетаний направлено на выявление их когнитивной связи, новых смыслов. В работах же, опубликованных ранее, были рассмотрены только такие бинарные сочетания лексемы *хлеб*, как *хлеб-соль* [1, с. 18], *хлеб и вода* [5, с. 232]. Поэтому частичная исследованность данного вопроса объясняет актуальность нашей работы.

Для выявления парных номинаций в созданном подкорпусе НКРЯ нами было введено слово *хлеб* и союз *и*, задан интервал 1. Полученные результаты обрабатывались с помощью формата выдачи KWIC. Затем путем сплошной выборки были получены субстантивные бинарные сочетания *хлеб и*.

Наиболее частотными из выявленных бинарных сочетаний являются:

- *хлеб и молоко*: «У вас есть деньги на *хлеб и молоко*» [Терехов А. Бабаев (2003), НКРЯ]; «Еще тут имелись тонары с *хлебom и молоком*, павильончик, набитый овощами, книжный и газетный лотки» [Донцова Д. Уха из золотой рыбки (2004), НКРЯ]; «Лена росла хорошей девочкой, ходила за *хлебom и молоком*, умела сварить «Геркулес» и поджарить глазунью» [Щербакова Г. Все это следует шить (2001), НКРЯ];

- *хлеб и вода*: «Лаборантской зарплаты, наверное, только на *хлеб и воду* хватает?» [Житков А. Кафедра (2000), НКРЯ]; «Я предпочитаю жить на *хлебе и воде* на свободе, – писал Раскольников, – чем безвинно томиться и погибнуть в тюрьме, не имея возможности оправдаться...» [Берберова Н.Н. Железная женщина (1978-1980), НКРЯ]; «Девчонки, вы не поверите, но он ее посадил на *хлеб и воду!* – На *хлеб и воду?!* – В прямом смысле слова!» [Сапегина А. Галатhea (2012), НКРЯ];

- *хлеб и колбаса*: «Надо ехать. Купить кусок *хлеба и колбасы*» [Терехов А. Каменный мост (1997-2008), НКРЯ]; «Искренне радуюсь за вас, господин полковник, – ответил Стас, глядя, как Гуров нарезает *хлеб и колбасу* на разделочной доске» [Леонов Н., Макеев А. Эхо дефолта (2000-2004), НКРЯ]; «Через двадцать минут я с *хлебom и колбасой* спускался в подвал музея» [Ломов В. Музей (2002), НКРЯ];

- *хлеб и зрелища* / *хлеба и зрелищ*: «Требуют велфэра и контента, как раньше *хлеба и зрелищ*» [Пелевин В. Бэтман Аполло (2013), НКРЯ]; «В постиндустриальном мире пролетарий измелчал куда страшнее крестьянина, ему нужны лишь простые радости – *хлеб и зрелища* двадцать первого века» [Желунов Н. Проект «Ленин» (2007), НКРЯ]; «Несмотря на утренний час, по городу уже фланировали праздные сограждане в поисках *хлеба и зрелищ*» [Павская И. «Джоконда» Мценского уезда (2006), НКРЯ];

- *хлеб и соль*: «Но как прожить, скажем, учителю начальных классов, если его заработка едва-едва хватает на *хлеб и соль*» [Азаров Ю. Подозреваемый (2002), НКРЯ]; «Послышался треск скорлупы, переговариваясь по-своему, немцы, стали бить яйца и громко высасывать их без *хлеба и соли*» [Быков В. Знак беды (1982), НКРЯ]; «Они играли в нее в интернате, сооружая в подвале многодневные баррикады, натаскивая туда матрасы, ящики, свечи, *хлеб и соль* из столовой» [Иличевский А. Матисс (2007), НКРЯ];

- *хлеб и водка* (как варианты – *хлеб и бутылка*, *хлеб и спирт*): «Очумевшие от долгого сна, с опухшими синими рожами бродят они, почесываясь, по отсекам космического корабля в поисках тюбиков с

яичницей, *хлебом и водкой*: мужчина с белой, черной от грязи, холщовой сумкой от Армани и женщина в детской шерстяной шапке с двумя желтыми помпонами» [Бару М. Записки понаехавшего (2010), НКРЯ]; «Единственное, что не сумели выменять на *хлеб и водку*, – это ядерное оружие» [Прошкин Е. Механика вечности (2001), НКРЯ]; «Его нежелание связывать себя семейными узами было вполне объяснимо и без экзистенциальных причин: при мысли, что пришлось бы зарабатывать не только на *хлеб и водку*, но и на что-то еще, Сашка терял, как он говорил, всякий интерес к жизни» [Берсенева А. Возраст третьей любви (2005), НКРЯ];

- *хлеб и сало*: «Она приносит бутылку сивухи, полбуханки *хлеба и сала*» [Козлов В. Колхоз (2002), НКРЯ]; «На ящиках – бутылок десять чернила, нарезанный *хлеб и сало*» [Козлов В. Гопники (2002), НКРЯ]; «Она продолжала бегать в город на базар, очень невыгодно меняя домашние вещи на *хлеб и сало*, она за бесценок сбывала подпольным перекупщикам-спекулянтам меха и драгоценности, даже обручальное кольцо, лишь бы выходить мальчика» [Катаев В.П. Уже написан Вертер (1979), НКРЯ];

- *хлеб и сигареты / табак*: «Ладно, Женька, – сказал я. – Меня здесь не понимают... Иди... Прижимая к груди собственную пазуху, за которой находились спички, соль, чай, сахар, *хлеб и сигареты*, сумасшедший попятился к выходу» [Коваль Ю. Четвертый венец (1980-1993), НКРЯ]; «Дежурные не то в шутку, не то всерьез требовали за воду *хлеба и табаку*. Кто давал, кто нет» [Астафьев В. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995), НКРЯ]; «Пьянка, впрочем, продолжалась месяца два, не больше, пока Молочковы не обнищали до такой степени, что уже не на что было купить *хлеба и табаку*» [Пьецух В. Летом в деревне (2000), НКРЯ].

Следует отметить высокую частотность использования номинации *хлеб* в сочетании с параметрической лексикой (пачка, батон, банка, ведро, осьмушка и др.): «Саша прихватил денег из заначки, кусок сыра, лучку деревенского, *хлеб и банку* консервов, хотел было вернуться, чтобы написать несколько слов матери, — и махнул рукой» [Прилепин З. Санька (2006), НКРЯ]; «Паек она делила справедливо, никого не выделяя, никому не потрафляя, точным шлепком бросала в миски кашу, точным взмахом зачерпывала из бачка суп, точно, всегда почти без довесков, резала *хлеб и кубики* масла, точно рассыпала сахар миниатюрным, игрушечным черпачком; одним ударом, скорее, даже молниеносным броском иглу до шприца всаживала в подставленный зад или в руку, спину ли — и все это молча, со спокойной строгостью, порой казалось, даже злостью, и если больной вздрагивал или дергался от укола, она увесисто роняла: «Ну чего тебя кособочит?» [Астафьев В. Веселый солдат (1987-1997), НКРЯ]; «Посередине стола стояла тарелка с серым *хлебом и банка* аджики» [Саед-

Шах А. Заступница, НКРЯ].

Наше внимание привлекали наиболее частотные бинарные сочетания, так как показатель частотности свидетельствует о востребованности приведенных выше сочетаний. В исследованиях, проведенных учеными на основе паремиологического и фразеологического материала, были выделены следующие символические значения хлеба: символ минимума, необходимого для существования; символ здорового образа жизни; символ дружбы; символ духовности; символ материальности; символ основного продукта; символ средства к существованию [2, с. 21].

Бинарные сочетания *хлеб и молоко*, *хлеб и сало*, *хлеб и колбаса*, *хлеб и водка* образовались в результате принадлежности к общим когнитивным сценариям. Такая сочетаемость определена неосознанным выбором, производимым на основе стереотипов восприятия и поведения в различных бытовых ситуациях: поход в магазин, нехитрое застолье / закуска. Хлеб здесь выступает в роли основного необходимого продукта для существования. Таким же значением обладают и сочетания *хлеба* с параметрической лексикой: хлеб и что-нибудь к нему. Следует отметить, что парная номинация *хлеб и водка* содержит скорее отрицательную коннотацию принадлежности к чему-то низкому (образу жизни, поведению).

Бинарные сочетания *хлеб и сигареты / табак* также обладают значением минимально необходимого для существования набора продуктов / вещей. Данные модели имеют в качестве образца образования парное сочетание *хлеб и вода*, которое издавна относилось к минимуму, необходимому для жизни.

Также интересно активное использование сочетания *хлеб и зрелища / хлеба и зрелищ*. Происходит сохранение его семантики: выразить устремления («Хлеба и зрелищ! – о потребностях невежественных, недалеких людей, жаждущих лишь пропитания и низкопробных развлечений» [13, с. 603]). ***Эти устремления в зависимости от контекста могут ограничиваться лишь пропитанием и развлечением или пониматься более масштабно.***

Высокой частотностью употребления характеризуется парное сочетание *хлеб и соль*, восходящее к устойчивой фразе *хлеб-соль* (символ гостеприимства, дружбы, единения). *Хлеб и соль* не обладает символическими значениями, присущими сочетанию *хлеб-соль*, а скорее обозначает жизненно необходимый минимум.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

- отмечается частотное использование в художественных текстах бинарных сочетаний *хлеб и*;

- каждый компонент таких сочетаний характеризуется свободой

использования;

- в составе данной группы сочетаний происходит не соединение смыслов его компонентов, а кодирование их в единый, собирательный образ;

- соединение компонентов в выявленных бинарных сочетаниях обусловлено эмпирическим опытом, воспроизведением типовых когнитивных сценариев, что ведет к когнитивной семантической слитности компонентов;

- в составе наиболее частотных бинарных сочетаний, отобранных в массиве художественных текстов, *хлеб* утрачивает богатство семантического плана (символ здорового образа жизни, символ дружбы, символ духовности), а выступает в качестве компонента сочетания, эксплицирующего интенции говорящего, символизирующего значение типового минимума, необходимого для жизни / застолья.

Библиографические ссылки

1. *Борисова Л.В.* Базисные архетипы и стереотипы национальной культуры в языковой картине мира // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 16 (307). С. 17–24.

2. *Плисов Е.Б.* Образ хлеба в русской, немецкой и английской картинах мира // Вестн. КРАУНЦ. 2016. № 2 (28). С. 20–31.

3. *Наумова Т.А.* Хлеб в русской языковой картине мира // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 11 (55). С. 48–51.

4. *Назмутдинова И.К.* Символический образ хлеба в семейном этикете удмуртов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 25 (279). Вып. 5. С. 9–14.

5. *Шхумишова А.Р.* Семантический и концептуальный аспекты исследования лексемы «хлеб» // Вестн. Адыг. гос. ун-та. 2009. Вып. 3. С. 229–233.

6. *Гревцова Т.Е.* Названия обрядового хлеба как мотивирующая основа терминов восточнославянской свадьбы (ареальный аспект) // Научный диалог. 2012. № 4. С. 110–123.

7. *Горская А.О.* Символический образ хлеба и читательско-писательская коллизия в сатирических произведениях А.П. Платонова 1920-х годов // Культурологический журнал. 2013. № 4 (14). С. 1–11.

8. *Решке Н.А.* Концепт «хлеб/bread» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей // Общество: философия, история, культура. 2012. Вып. 2. С. 91–94.

9. *Волошин Ю.К.* Актуализация концепта «хлеб» // Вестн. Самар. ун-та. 2017. Т. 23. № 1. С. 72–76.

10. *Евдокимова О.К., Ляпаева Л.В., Федяй С.В.* Семантический потенциал концепта «хлеб» в русской и чувашской литературе XIX–XX вв. // Вестн. Чуваш. гос. педагог. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2017. № 1 (93). С. 61–67.

11. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 28.02.2019).

12. *Артамонова М.В.* О месте категории парности в концептуальной системе русского человека // Филология и человек. 2009. № 3. С. 62–72.

В.В. Хомич (Минск, Беларусь)

ТЕКСТОВАЯ И СЛОВАРНАЯ МОДЕЛИ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ СЛОВ-СТИМУЛОВ

В статье рассматривается проблема лексического ассоциирования. Предлагается сравнительный анализ текстового и словарного ассоциативных полей. Под текстовым ассоциативным полем понимается совокупность всех ассоциаций, вызываемых ключевыми словами текста. Модель словарного ассоциативного поля создается на материале данных ассоциативных словарей, в которых представлены результаты ассоциативных экспериментов, а именно: слова-стимулы и наборы ассоциаций, вызываемых ими.

Ключевые слова: *сознание, ассоциативное поле, слово-стимул, текст*

Рассмотрение лексической структуры текста в ассоциативном аспекте является чрезвычайно важным, поскольку, как известно, человек существует не только в материальном мире, но и в мире слов, идей и мыслей. Все мысли и идеи человека материализуются при помощи слов.

Слово, являясь основной единицей языка, играет ключевую роль в тексте. Как отмечается в работах психологов и лингвистов, речемыслительная деятельность имеет ассоциативную природу. Слово не существует в нашем сознании само по себе, оно связано с множеством других слов. И, называя какое-либо понятие или явление, мы всегда думаем еще о чем-то, с ними связанном, в нашем сознании возникает ряд ассоциаций, перекликающихся друг с другом. Слово, вызывающее эти ассоциации, является стимулом, а сами ассоциации составляют ассоциативное поле данного стимула.

Согласно результатам экспериментальных данных структура нашей памяти может иметь много различных вариантов внутренней организации, одним из которых может быть полевая структура, которая не может не отражаться в создаваемых нашим сознанием текстах.

Ассоциативные поля обычно устанавливаются в результате свободного ассоциативного эксперимента с фиксацией первого ответа-реакции на слово-стимул. Данные, полученные в результате экспериментов, фиксируются в ассоциативных словарях, представляя ассоциативные нормы того или иного языка. Таким образом, ассоциативные поля могут строиться по материалам данных ассоциативных словарей и на материале текстов художественных произведений. В широком смысле ассоциативное поле являет собой «фрагмент образов сознания, оценок, мотивов, интересов», а